*С.С. Даутова*

# ЗНАЧЕНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КАК СПОСОБА ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Институционализация основополагающих норм социального взаимодействия в какой-либо социальной системе обеспечивает принципы, формирующие структуру поддержания динамического равновесия системы. Любая институциональная система неоднородна в смысле единодушного принятия ее целостности, и различные степени принятия могут стать очагами конфликта и изменений. Поэтому в любом социетальном порядке всегда существуют значительные разногласия относительно распределения власти и недостаточных ресурсов. Внутренние импульсы производства и распределения ресурсов, попытки центральных элит отстоять в постоянных усилиях, направленных на мобилизацию ресурсов различных групп и индивидов, границы системы и поддержать легитимность ее ценностей, символы и нормативы, порождают внутренние изменения.

Подобные изменения вызваны тем, что со временем центр должен направлять больше ресурсов на функционирование механизмов контроля. Тенденции к изменениям возникают в той степени, в какой различные элиты желают удержать те привилегии, отказа от которых, по-видимому, требует институционализация основополагающих норм социального взаимодействия. Трансформации могут произойти из-за того, что внутреннее развитие ресурсов порождает изменения в распределении власти. Такие передвижки, совместно с многообразием субъектов и коллективов в каждой социальной сфере, могут создать новые типы позиций и социальных категорий, как и новые типы социальных организаторов. Продолжением этих передвижек могут стать некоторые структурные изменения.

Таким образом вопрос о влиянии структуры политического пространства на реализацию властью своего стратегического курса становится центральным при анализе институциональных изменений.

Институциональная и социально-групповая (социальная в узком смысле) структуры представляют собой различные, но неразрывно связанные стороны более сложного и многомерного феномена – социальной структуры общества в широком смысле. Причем институциональная подструктура расположена ближе к

поверхности общественной жизни, носит более явный характер и значительно более управляема, а социально-групповая, напротив, более скрыта, требует углубленных методов изучения и не приемлет прямых способов управления. Преобразовать социально-групповую структуру общества можно лишь косвенно – через реформирование основополагающих институтов. Зато любое существенное изменение последних неизбежно вызывает сдвиги в социально-групповом строении общества. В этом смысле институциональную подструктуру можно назвать «ведущей», а социально-групповую – «ведомой». Однако это не значит, что первая подструктура в каком-то смысле приоритетна по сравнению со второй. С точки зрения итогов социальной трансформации общества положение, скорее, обратное: более весомыми критериями их оценки служат сдвиги в социально-групповой подструктуре.

Важнейшим типологическим качеством последней является характер социальной стратификации, то есть разделения общества на иерархические слои, отличающиеся типом деятельности, уровнем социального статуса, образом жизни и престижем. Критериями стратификации индивидов и групп служат: управленческий потенциал, выражающийся в объеме властных и управленческих функций; экономический потенциал, измеряемый масштабами собственности и доходов; социокультурный потенциал, отражающий уровень социализации, образованности и профессионализма субъектов; а также социальный престиж, концентрированно отражающий все эти признаки в сочетании с качеством жизни. Названные критерии образуют относительно независимые оси стратификационного пространства.

Изменения в принципах распределения властных ресурсов и их влияние на функционирование институциональной системы можно рассмотреть на примере функционирования Советского государства. В тот период наблюдалась трансформация стратификационной системы, которая началась с постепенного изменения структуры классов, а вместе с ними многих других реальных профессиональных и политических групп. Изменение условий воспроизводства дореволюционных классов началось сразу после революции с экспроприации крупных собственников (землевладельческих и торгово-промышленных групп), а со временем распространилось на большую часть мелких и средних независимых производителей. Крестьянство, составлявшее в начале века большинство населения, в ходе насильственной коллективизации было отчуждено от земли,

от традиционных способов хозяйственной организации и утратило, таким образом, свою социальную сущность. Старая дореволюционная интеллигенция вместе с тонкой прослойкой высококвалифицированных рабочих были лишены своего сравнительно высокого социального положения и привилегированных условий для воспроизводства профессиональных и культурных ценностей.

Политическая стратификация политических элит регулировалась уставами КПСС, которые, независимо от их редакций, устанавливали единую для всей страны структуру партийных органов на местах, определяли объем полномочий и ответственности местных руководящих партийных органов. Устав КПСС создавал формальные основания для внедрения партийных органов в компетенцию любых органов управления и власти, поскольку подчинял действия любого коммуниста-руководителя решениям партийных органов. Это было реальным средством управления политическим развитием и решения кадровых вопросов. Однако «партийная» стратификация не подменяла и не могла заменить другие способы стратифицирования в силу определенных ограничений.

Партийные структуры взаимодополнялись советскими структурами, которые, согласно Конституции СССР, были единственными органами власти на местах. Высокий официальный статус советских органов и их руководителей был ограничен, с одной стороны, Конституцией, в которой содержались статьи, признающие приоритет партии в руководстве обществом (ст. 126 Конституции СССР 1936 г., ст. 6 Конституции СССР 1977 г.,), с другой стороны, Уставом КПСС, который обязывал местные партийные органы руководить Советами, профсоюзами, комсомолом и другими общественными организациями.

Множественность критериев стратификации предполагала, что в зависимости от их комбинации могла измениться и сама конфигурация властных отношений не только в регионе, но и в стране. В послевоенный период в Советском Союзе произошло два крупных изменения конкретно-исторической модели политической стратификации. Каждый из них был обусловлен радикальной перестройкой одного из базисов политической стратификации, что влекло за собой модификацию внутрирегиональных политических отношений. В середине 1950-х гг. изменилась структура региональной номенклатуры ЦК КПСС, когда из ее состава были выведены лидеры городов и районов. Раньше их назначение согласовывалось с ЦК КПСС, теперь это стало правом регионального партий-

ного комитета. Одновременно произошло резкое сокращение численности региональной номенклатуры ЦК КПСС и усиление в ней позиций директората. ЦК КПСС ограничил контроль за территорией региона, сконцентрировав основной объем номенклатурных должностей в региональных центрах.

Так была создана новая конфигурация власти в регионах. Повышая роль партийных структур, ЦК КПСС предоставил им широкие полномочия по регулированию кадрового состава политической элиты. Если назначение директората промышленных предприятий нужно было согласовывать с центром, то местная политическая элита полностью оказывалась под контролем руководителей регионального парткома. Регионы приобрели устойчивое и единое основание для определения политических позиций лидеров, которые контролировали назначения на должности и по партийной, и по номенклатурной линиям. ЦК оставил за собой право номенклатурного контроля лишь за секретариатом регионального парткома и «первых» лиц областных и столичных центров. В дальнейшем потенциал парткомов регионов расширился за счет образования совнархозов и передачи части функций управления местным хозяйством в регионы.

Изменения включали необходимость реформирования социальных связей. Была расширена определенная способность широких масс к инициативе и влиянию на развитие событий. Эта политика предполагала активизацию работы не только партийных, но и общественных организаций (прежде всего профсоюзов), отказ от наиболее жестких форм принуждения, вывод трудовых отношений из сферы действия уголовного права. Его деятельность опиралась на решения XX съезда партии (14 февраля 1956 г.), который уделил значительное внимание вопросам внутрипартийной жизни, повышению уровня организационно-партийной и идеологической работы, совершенствованию социалистической демократии, государственного аппарата. Было признано необходимым дальнейшее совершенствование структуры административно-управленческого аппарата, практической деятельности, а также необходимость укреплять связи с массами, вовлекать широкий актив трудящихся в управление хозяйственным и культурным строительством. Ставилась задача приблизить хозяйственное руководство к предприятиям, сделать его более конкретным и оперативным[1]. С точки зрения развития социалистической де-

[1] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 2. М., 1980. С. 453.

мократии задачи государственного, хозяйственного и культурного строительства требовали все более активного участия трудящихся в управлении страной, во всей деятельности государства. Успехи народного хозяйства, укрепление идейно-политического единства общества, ведущей роли рабочего класса, повышение материального благосостояния и культуры народа, рост политической сознательности и активности масс – все это лежало в основе дальнейшего развития социалистической демократии и совершенствования политической системы общества[1].

В ноябре 1962 г. была продолжена партийная реформа, которая изменила структуру партии, разделив ее на две части: одни структуры должны были заняты вопросами управления промышленности, другие – сельским хозяйством[2]. Все партийные организации, от районных до центральных, также были разделены и превращены в органы, специализирующиеся в руководстве одной из двух частей экономики и возглавляемые ответственным лицом. По своему смыслу реформа упраздняла районные партийные организации. Решение всех вопросов на этом уровне переносилось в «производственные зоны», управлявшиеся районными ответственными лицами. Отчасти она сводила роль партии к решению экономических проблем. Те же принципы были применены в отношении комсомола и других общественных организаций. Представленная как техническая реорганизация, эта реформа партийной структуры была новой попыткой прийти к более эффективному управлению экономикой. Реформа привела к росту бюрократии, разобщению секторов, имевших общие проблемы, ограниченность в развитии в «забытых» секторов (торговля, здравоохранение, образование, культура), общей дезорганизации.

Их разделение по производственному принципу значительно изменило существовавшую систему стратификации. Была изменена структура и укрупнены партийные органы, действовавшие в сельской местности (вместо сельских райкомов возникли партийные комитеты производственных колхозно-совхозных управле-

[1] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 2. С. 564–565.

[2] Разделение партийных органов по производственному принципу было проведено в СССР на 1 марта 1963 г. в 9 автономных республиках, 5 краях, 70 областях. См.: Центр хранения современной документации. Ф. 5. Оп. 31. Д. 208. Л. 2. В РСФСР перестройка советских органов была проведена (по состоянию на 19 июля 1963 г.) в 5 краях и 37 областях. См. там же. Оп. 32. Д. 219. Л. 48.

ний), с сокращением численности политической элиты; в рамках регионов со смешанным промышленно-сельскохозяйственным производством образованы обкомы и региональные Советы по производственному принципу. Формально повысился политический статус тех работников уровня городов и районов, которые остались во главе органов власти, во-первых, из-за сокращения численности самих лидеров, во-вторых, в связи с образованием параллельных политических структур, для которых каждый нижестоящий лидер стал более значимым. Одновременно возросла численность высшей региональной политической элиты.

Однако самым существенным было «удвоение» привычной пирамидальной схемы властных отношений. На единых территориях появилось по две властных конструкции, которые стратифицировали политическое пространство и по «вертикали», и по «горизонтали». К конкуренции в борьбе за власть внутри структур между представителями различных ее уровней добавилась борьба между структурами за ресурсы. Реформы второй половины 1960-х гг. сконструировали новую реальность, в рамках которой сформировалась четкая система стратифицирования, просуществовавшая до конца 1980-х гг.

Изменения отразили два трудно сочетаемых аспекта: последовательную консервативную идеологическую политику и проведение экономической реформы и укрепление технократических ценностей. Одновременно в институционализацию основополагающих норм социального взаимодействия были заложены принципы, нарушающие установившееся динамическое равновесие системы. Самая разработка и институционализация новых норм, особенно в той степени, в какой этот процесс был связан с организационной структурой социальной практики и общественным разделением труда, создавали возможность возникновения противоречий, ведущих к изменениям.

Потенциал противоречий существует в любом социальном порядке и имеет тенденцию к усилению в период структурных перестроек системы. Такой порядок включает многообразие субъектов (индивидов и групп) с различным и всегда оспариваемым контролем над природными и социальными ресурсами. Потенциальные конфликты становятся более взрывоопасными и более склонными к превращению в системные из-за того, что на многообразие субъектов накладываются базисные свойства, характерные для институционализации любого разделения труда. Признаками это-

го ведущего к социальным изменениям процесса являются: возможное возникновение противоречий между организационными последствиями от различных предпосылок или потребностей какого-то институционального порядка; дифференцированное распределение групп среди основных институциональных комплексов; разнородность и сложность вертикальных и горизонтальных типов специализации, коммуникаций и иерархии среди различных социальных групп. Следует также указать на вариативность и относительную автономность организации средств обмена ресурсами.

Напряженность и противоречия становятся более вероятными из-за множественности структурных принципов, связанных с символическими кодами, которые образуют отправной пункт для создания основополагающих норм социального взаимодействия. Каждая из основополагающих норм может иметь носителя в виде различных социальных агентов и коалиций, а каждый из них может подчеркивать центральность какого-то данного кода или его институционализации, в отличие от других, и каждый из них может выдвигать собственные интересы (возможно, за счет других). Потенциал напряженности и конфликтов создает возникающая в процессе институционализации относительная открытость каждой такой группы структурных принципов для любой другой. Вероятность возникновения напряженности и конфликтов возрастает из-за того, что разработка основополагающих норм социального взаимодействия включает отбор одних, а не других возможностей институционализации и легитимацию известного неравенства.

Таким образом любые изменения делают возможным включение в установившиеся институциональные связи политической системы структурных противоречий, которые могут содержать в себе как механизмы функционирования и ограниченного развития, так и механизмы новых структурных преобразований.